

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.282.2

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401

Христианские культовые сооружения и их народно-разговорные номинации (на материале текстов Е.В. Честнякова и живых поунженских говоров)

Елена Геннадьевна ВЕСЕЛОВА

ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»
156000, Российская Федерация, г. Кострома, пр-т Мира, 7

✉ veselovaelena@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности функционирования экклезионимов в поунженских говорах со стороны их формы, семантической структуры и речевого употребления. Источником исследования послужили произведения местного писателя Е.В. Честнякова, а также полевые материалы, собранные в г. Кологриве и его окрестностях. Проанализирован ряд наименований культовых сооружений, подмечена их чёткая связь с топографией местности. Особое внимание уделено выявлению сакральных составляющих внутреннего убранства ближайшей к дому писателя часовни, где в текстах Е.В. Честнякова соседствует церковно-славянская и народно-разговорная лексика, а также статусу в говорах лексемы *часовня*, которую можно рассматривать как трансформ имени нарицательного в имя собственное, что характерно для узких территориальных пространств. Отмечено, что заметной чертой экклезионимов, названий церквей Поунжья, выступающих в роли местных топографических знаков, являются такие виды метонимии, как перенос названия одного из приделов на весь храм, – названия храма на село, а также и названия села на храм. Сделан вывод о том, что в живой народной речи произошло перекодирование сложных официальных названий в более краткие и часто несхожие варианты. Нередко в трансформированных наименованиях культовых сооружений находят отражение диалектные явления и особенности местного рельефа местности.

Ключевые слова: Е.В. Честняков, поунженские говоры, экклезионим, диалектная лексика, культовые сооружения

Для цитирования: Веселова Е.Г. Христианские культовые сооружения и их народно-разговорные номинации (на материале текстов Е.В. Честнякова и живых поунженских говоров) // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 393-401. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Christian religious constructions and their folk and colloquial naming (in the texts by E.V. Chestnyakov and current patois of the Unzha area)

Elena G. VESELOVA

The Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum Reserve
7 Mira Ave., Kostroma 156000, Russian Federation
✉ veselovaelena@mail.ru

Abstract. We consider the peculiarities of ecclesionyms functioning in Unzha patois from the point of their form, semantic structure and speech usage. The research is based on the texts of the local writer E.V. Chestnyakov, as well as field materials collected in Kologriv and its environs. We analyze a number of religious constructions names and identify their connection with the topography of the area. We pay special attention to identify the sacred elements of the interior decoration of the chapel closest to the writer's house, where in the texts of E.V. Chestnyakov adjoins Church Slavonic and folk and colloquial vocabulary, as well as the status in the patois of the lexeme *chapel*, which can be considered as a transform of a common noun into a proper name, which is typical for small territories. We note that a specific feature of the ecclesionyms, the names of the Unzha churches, which act as local topographic signs, are such types of metonymy as the transfer of one of the side-altars to the entire temple name – the temple name to the village, and the village name to the temple. We conclude that the live folk speech re-codes complex official names into short, and often different, variants. Often, the transformed names of religious constructions reflect dialectal phenomena and the local topography features.

Keywords: E.V. Chestnyakov, Unzha patois, ecclesionym, dialect lexis, religious constructions

For citation: Veselova E.G. Khristianskiye kul'tovyye sooruzheniya i ikh narodno-razgovornyye nominatsii (na materiale tekstov E.V. Chestnyakova i zhivikh pounzhenskikh govorov) [Christian religious constructions and their folk and colloquial naming (in the texts by E.V. Chestnyakov and current patois of the Unzha area)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 393-401. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Имя Ефима Васильевича Честнякова (1874–1961), уроженца деревни Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии, получило мировую известность в 70-е гг. XX века. Тогда он был признан ярким самобытным художником, скульптором, учителем, позднее же, когда были изданы многие его произведения (при жизни его почти не печатали), он стал известен как писатель, мыслитель, поэт, драматург, а впоследствии и как теоретик-лингвист, размышляющий о судьбах диалектов и развитии литературного языка (см. например, об этом в: [1–4]).

В своих литературных произведениях Е.В. Честняков этнографически убедительно высветил главные традиционные элементы жизни костромской глубинной деревни как с

её материальной, так и с духовной стороны, когда с незапамятных времён необходимым условием её жизненного существования и объектом сакрализации являлась природа края, и – с относительно недавнего времени – христианские сакральные ценности, в том числе и архитектурные культовые сооружения.

Будучи билингвом, он был учитель, владел литературным языком (что видно хотя бы из его переписки с И.Е. Репиным, его сыном Юрием и другими «образованными» горожанами) и одновременно как коренной житель деревни Е.В. Честняков в деревенском общении и в своих «книжностях» согласно своим воззрениям сознательно использовал местную речь родного края. Это была прежде всего диалектная лексика, свя-

занная с природой, сельским хозяйством, ремёслами и промыслами, характеристикой человека, питанием, народными поверьями и другими сторонами духовной жизни приунженских крестьян (о жизненном пути Е.В. Честнякова, см., например, в: [5; 6]). Превосходное знание родного кологривского говора позволило писателю органично включать лексическое богатство народного языка в свои сказки, рассказы, стихи, пьесы, эпистолярные произведения, воспоминания и другие литературные жанры. К тому же, как уже сказано выше, он осознанно отдавал приоритет народной деревенской речи перед языком горожан, «образованных».

Одна из лексических тем, отражённых в литературных текстах Е.В. Честнякова, связана с сакральным христианским культом и религиозными понятиями, где мы встречаемся с местными народно-разговорными названиями в их прямом и переносном значениях. Крестьянское происхождение писателя, патриархальный уклад жизни семьи и воспитание в православной вере оказали влияние на его мировоззрение. Многие детские впечатления писателя связаны с православными традициями: соблюдением поста, молитвой, чтением церковных книг, церковными праздниками, посещением известных в округе церквей и молелен. Ещё в молодом возрасте, возможно, под влиянием церковного аскетизма, он увлёкся вегетарианством, о чём знали его земляки и о чём свидетельствует журнал «Вегетарианское обозрение» из личной библиотеки Ефима Васильевича. По словам местных жителей, в годы гонений на церковь Честняков посещал небольшую поляну в лесу рядом с деревней Вонюх, куда приходил молиться вместе с земляками. В народе это место прозвали «Зелёным храмом». Кологривские жители чтут Ефима Честнякова как святого и провидца. На его могилу приезжают паломники, многие из них увозят с собой горстку земли, искренне веруя в её целебную силу.

Заметную часть культурного ландшафта Приунженского края, города Кологрива и его окрестностей, ближних и дальних, составляют вертикали каменных церквей со стройными колокольнями, возвышающиеся среди обилия лесной и луговой растительности над рекой Унжей с её притоками, болотами, озё-

рами, массивами деревень и сёл с невысокими одноэтажными строениями. Здесь издавна, с раннего средневековья, на бывших постугрофинских землях живут земледельцы, воцерковлённый христианский народ, говорящий по-русски и исповедующий православную религию, истово относящийся к вере и к её сакральным обычаям. Символами христианской веры в крае, которую до недавнего прошлого, но в значительной степени и сейчас, можно назвать всенародной, являются комплексы фундаментальных церковных сооружений: само здание церкви, её приделы, колокольня и часовни, каменные и деревянные, как бы затерянные в лесах и составляющие думать о наличии старообрядческих толков в этих местах, о чём говорят своеобразные кресты на кладбищах. Все эти сооружения, за исключением, пожалуй, крестов, имеют свои развёрнутые собственные названия, в народном употреблении как правило редуцированные и так или иначе приспособленные к местному разговорному узусу, то есть к говорам Кологривского уезда Костромской губернии. С окраской приунженского диалекта они транспонированы в стихи и прозу шабловского мастера, составляя колоритную черту его творчества и одновременно являя собой один из объектов описания образцов региолекта края.

Историки предполагают, что первые храмы и часовни появились на кологривской земле в XII–XIII веках, когда Приунжье стало заселяться славянами. Культовые сооружения на протяжении нескольких веков играли значимую роль в жизни людей. Все важнейшие события – заключение брака, рождение ребёнка, начало нового дела, покаяние в грехах и смерть, а также многочисленные церковные праздники – неизбежно приводили человека под своды храма или часовни, где он находил умиротворение и приобщение к высшим ценностям. Соответственно эти сооружения получали у кологривчан и свои народные названия, которые по правилам устной речи могли варьироваться. Подобное явление можно наблюдать и на других русских территориях, см. например, об этом в [4; 7; 8].

Предметом исследования в данной статье являются экклезионимы – народно-разговорные названия культовых строений,

которые рассматриваются с точки зрения формы, семантической структуры и особенностей их употребления в разных речевых ситуациях носителей кологривского говора. Основные источники изучения здесь – тексты произведений Е.В. Честнякова, где он сумел реалистически точно и лингвистически убедительно показать структуру, семантику, деривационные и функциональные особенности церковных названий родного края. Затем привлечём для сравнения и другие лексические данные подобных наименований избранной нами тематики из более широких источников в подтверждение особенностей использования экклезионимов в народной речи жителей Кологривского края.

Местные экклезионимы, которые народом воспринимались не только как названия сакральных культовых построек, но и как топографические объекты-ориентиры, нашли отражение в творчестве уроженца этого края Е.В. Честнякова, как уже говорилось, не только потому, что он был глубоко верующим человеком, но и потому, что он был зорким и наблюдательным краеведом, влюблённым в свою местность, её природу, людей, её топообъекты, смотревших на них с точки зрения местного жителя. Обратимся к его творчеству и отметим, как писатель подаёт в нём сакральную лексику края.

Часовня, часовенка. Лексема *часовня* и её коннотоним *часовенка* частотны в литературных произведениях Е.В. Честнякова. Можно считать, что тут мы имеем дело с онимизацией апеллиатива в связи с тем, что сам Ефим постоянно посещал часовню в своей деревне Шаблово и именно о ней чаще всего идёт речь в его текстах.

В словарях современного русского литературного языка слово *часовня* определяется следующим образом: «молитвенный дом (или памятник) в виде небольшого церковного строения с иконами, но в отличие от церкви без алтаря» [9, с. 768]; *часовенка* – «уменьш. к часовня, небольшая часовня» [9, с. 768]. В Словаре Даля рассматриваемые лексемы имеют следующее толкование: «часовня, часовенка – молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию); отдельное маленькое строенье или пристрой, с иконами и лампадой; часовни этого рода ставятся в виде памятни-

ка, или на распустьях, на родниках, или над престолом бывшей церкви» [10, с. 583].

Лексемы *часовня* и *часовенка* употребляются писателем без всякого дополнительного определения, как уже сказано, они играют роль онимов, трансформов имени нарицательного в имя собственное, что характерно для *опіма ргоргіа* узкого территориального пространства. Речь здесь идёт о часовне вблизи Шаблова, родной деревни писателя, в иконописном убранстве которой принимал участие дед писателя, староста часовни Самойла, и его бабушка Прасковья. В стихах Честнякова мы находим описание точного местоположения шабловской часовни, её хронологические, топологические и лингвистические приметы, любовное описание её внутреннего убранства, что позволяет считать лексемы *часовня*, и ещё в большей степени *часовенка*, коннотонимами, то есть онимами с яркой эмоциональной окраской. Характерно, что у Честнякова слово *часовня* вписывается в контекст, стилистически близкий к сказовому (воспоминания с диалектными лексическими приметами маленького деревенского мальчика (*Самойлом дедушкой, дедушко, сюды, с баушкой*)), но одновременно насыщенной церковной символикой и лексикой культурно-исторического характера, присущей кодифицированной литературной речи: *И за оврагом к солнцу в поле Стоит часовня на просторе Как памятник времён былых Созданіе прадедов седых. <...> Когда войдёте внутрь туда, Увидите иконы в два ряда И надписи красивыя по-русски. Ещё написано так мелко по-французски Что вотчины Стромиловой раденьем Внутри часовенка прекрасна украшеньем.. И живописные святые Херувимы Украшены парчой в часовенке хранимы.. Усердьем нашего народа И старостой такого рода Самойлом дедушкой они заведены.. Из города сюды привезены... (И дедушко, я помню, мой Хоругви с баушкой обшили бахромой)* [11, с. 19]. Отметим, что здесь и далее сохранена графика черновиков текстов Е.В. Честнякова.

Как уже говорилось, лексемы *часовня*, *часовенка* имеют положительную экспрессию и выражают любовное отношение автора к этому предмету культа. Слова *часовня* – *икона* – *староста* – *херувимы* – *хоругви*, почти все церковнославянизмы, составляют в

тексте ядерную смысловую парадигму, а семантическую периферию сакрального поля, лично значимую для автора – народно-разговорная лексика типа *Самойло-дедушко, баушка*. Значим тут и возвышенно-риторический книжный перифраз *Как памятник времён былых Создание прадедов седых*. В качестве топографического объекта в тексте слово *часовня* характеризуют слова автора (*И за оврагом к солнцу в поле Стоит часовня на просторе*), а также упоминание об исторической надписи по-французски в самой часовне, удостоверяющей хронотоп её создания в переводе на старославянский язык с упоминанием имени некоего *Стромилы*, по-видимому изографа, расписывавшего часовню (*Ещё написано так мелко по-французски Что вотчины Стромиловой раденьем Внутри часовенка прекрасна украшеньем*). Антропоним *Стромила* (*Стромило*), древнерусское имя, невольно вызывает ассоциацию с именем легендарного *Остромира* (*Стромилы*), новгородского посадника, для которого в середине XI века по приказу киевского князя дьяконом Григорием было создано «Остромирово евангелие». Возможно, часовня была построена в те древние времена, когда в эти поунженские края наведывались новгородские ушкуйники.

В творчестве Честнякова материальное и духовное гармонически сочетаются, поэтому в его литературных текстах церковнославянская лексика повсеместно не только соседствует с народно-разговорной и диалектной, но и превращается в их синкретические формы. Автор показывает глубокую веру крестьян в постоянное незримое присутствие Бога в их жизни, будь это труд, праздники, обряды и др. Широкое же использование диалектизмов позволяет усмотреть этническое начало, непосредственную связь лексики с этносом именно данной местности, а с высокой лексикой – опосредованную, более обобщённую связь. Надо отметить, что единый колорит высокого стиля в следующих текстах создаётся не только за счёт использования церковнославянизмов, но и благодаря жанровой его организации в духе устного народного творчества, что вообще характерно для творчества писателя (*холодненькой водицы Изольют из коробицы; огошик, лапотки, крошенинкою*): *И холодненькой водицы*

Изольют из коробицы Бога поблагодарят И молитву сотворят... [11, с. 38]. *Давно-ли вечер был – она уже огошик вздула.. И лапотки свои с молитвою обула..* [11, с. 40]. *Потом вынесли из часовни крест – иконы хоругви херувимы и пошли круг полей и вдоль деревни крестным ходом.. в каждом поле и посеред деревни были сияния..* [11, с. 23]. *Помолюсь на иконы и сяду за стол.. Молоко с крошенинкою ложкой хлебаю..* [11, с. 25].

Архандел. Народно-разговорные формы имён поунженских церквей в произведениях Е.В. Честнякова особенно чётко выявляют связь их с топографией местности. В рукописях Ефима Васильевича встречаются упоминания некоторых древних кологривских церквей. Их количество невелико, но они дают точное представление о бытовании экклезионимов в народной кологривской речи: *Архандел, Микола, Воскресенский*. Данные онимы нашли отражение в Словаре народно-разговорного языка Е.В. Честнякова «Живое поунженское слово», составленного Н.С. Ганцовой и О.А. Образцовой, где описана диалектная лексика кологривских говоров, извлечённая из текстов Е.В. Честнякова. Словарная статья из названного лексикографического источника выглядит следующим образом: «**Архандел.** Церковь Михаила Архангела. *У Архандела тоже останавливались* («Сказание о Стафии – короле тетеревином») [2, с. 91]. Приведём более широкий контекст из рукописного источника этого текста: *У Архандела тоже останавливались. Дьячок тут знакомый... зашли... потчуют, пономарь пришёл... и поповы тоже. А самого дома не было. Уехал со святом по деревням... А в Опарине не были, от Архандела, вишь, далеко. А ниже мы нигде не причаливали* [12, с. 173]. Эти строки взяты из «Сказания о Стафии – короле тетеревином», одной из поэм Е.В. Честнякова, где вымысел переплетается с описанием действительных явлений природы и человеческих отношений поунженского края. Поэма была реконструирована Р.Е. Обуховым по черновым вариантам рукописных произведений писателя. В цитате идёт речь о дедушке Якове, бабушке Анне и их внучке Фарасе, которые, сплавляясь на плоту по Унже, посещали встретившиеся им деревни и сёла.

Архандел – это народное произношение слова *архангел*, оно является усечённым названием реальной церкви Святого Архистратига Михаила и бесплотных Сил, упоминаемой И. Беляевым в [13, с. 303]. В народе часто её называли *Архангельская* (в диалектном произношении чаще *Архандел*), и даже в документах нередко встречается это упрощённое наименование. Церковь находилась на правом, почти отвесном лесистом берегу реки Унжи, в 40 км выше по течению от современного Кологрива на месте «бываго» Кологрива. Церковь имела 4 престола: в честь св. Архистратига Михаила и бесплотных Сил, преп. Афанасия Афонского, преп. Макария Желтоводского и Унженского чудотв. и святит. Николая чудотворца [13, с. 303]. Е.В. Честняков как знаток и любитель родного кологривского говора использует в тексте народный вариант названия церкви. В данном случае мы видим метонимический перенос названия церкви по одному из приделов на название населённого пункта – села, это свидетельствует о деонимизации сакрального названия церковного сооружения и превращении его в топографический знак – ойконим, название села, которое обычно отличается от деревни наличием церковного строения.

Фонетический облик слова *архандел* вместо *архангел* в приунженских говорах также свидетельствует об известной деонимизации и десакрализации слова, греческого по происхождению, получившего русскую народную фонетическую примету, сохранившуюся в говорах, в том числе и приунженских, в виде замены Г на Д перед гласным переднего ряда (типа *андел* (*ангел*), *рути* (*руки*), *ноди* (*ноги*) и гиперизм *кеятр* вместо *театр*).

Воскресенье. В той же поэме Е.В. Честнякова «Сказание о Стафии – короле тетеревином» в интерпретации Р.Е. Обухова в одном из эпизодов сказано: *У Воскресенского на стану был какой-то праздник... али воскресенье* [12, с. 154]. *У Воскресенья на стану у попа выгостили. Показалось, значит, семейству, как мы натутыркивали* [12, с. 173]. Здесь речь идёт, видимо, о церковном празднике в селе (бывшем стане, единице старого административного управления) в 42 км от Кологрива, названном так в результате метонимического переноса названия одноимён-

ной церкви в селе – церкви Воскресения Словущего. Церковь была построена в 1836 г. на средства прихожан. Имела два престола: вверху – во славу Воскресения Христова, внизу – в честь св. мчч. Флора и Лавра. В обоих случаях можно отметить, что народный вариант наименования церкви – более краткий в сравнении с официальным, но нередко упрощённый вариант фиксировался даже в документах. Оба престола не уцелели до настоящего времени, а память о бывшей в селе церкви сохраняет имя собственное населённого пункта [13, с. 304]. Село находилось примерно в 50 километрах от Кологрива. В обиходе более распространено было название *Воскресенский*, возникшее в результате метонимического переноса названия одноимённой церкви в селе – церкви Воскресения Христова. Пояснение известного кологривского краеведа З.И. Осиповой относительно варианта топонима Воскресенский стан таково: «Другое название *Воскресенья стан* в старом Кологриве, где была церковь Михаила Архангела» [14, с. 92].

Микола. В известном рассказе Е.В. Честнякова «Ручеёк» и его рукописных материалах неоднократно встречается название церкви Николая Чудотворца в селе Илешево, центре волости Кологривского уезда в 6 км от Шаблова. Оно подаётся в кратком варианте, отражающем народное именование святого – Микола – на местном диалектном фоне: *Пролапотало вдоль деревни – пора и нам робята... Собрались всей гурьбой – к Миколу поехали.. Засвистали загикали замахали плётками – затопали лошади – только пыль стоит и летит земляная ископыт...* [11, с. 23]. *Мало-помалу в деревне собираются в кучки девки-робята и малые дети – скоро от Миколы поедут и будут вдоль деревни разганивать..* [11, с. 24]. *Вот и пыль запылилась по дороге от Миколы и полем скакали на лошадях – весёлые окрики робят – мужиков мешались с топаньем и ржаньем лошадей – карих сивых вороных рыжих чалых пегих...* [11, с. 24]. *А вот утро.. Темно ещё.. Мороз и звёзды на небе.. Мамка воду носит.. По дороге слышно сани скрипят и шоргунцы побрякивают.. Это видно едут молиться к Миколу..* [11, с. 27]. *Раннее утро.. Ещё не рассвело – и звёзды на небе мерцают едва. Едем горой от Зеленина к Миколу.. и вижу*

стоят одиноко в полутьме на Вершнякове понамарева да дьячковы дома.. И кажется, что тут живут не такие как мы.. [11, с. 27].

Кологривские жители называют церковь Николая Чудотворца Никольской. Её диалектная форма – Микола, как и официальная форма – образована посредством метонимического переноса с имени святого на церковь. По приведённым контекстам из произведений Честнякова становится очевидным, что *Миколой* писатель и его земляки называли не только саму церковь Николая Чудотворца, но и село Илешево, в котором находится церковь. Это подтвердили и кологривские жители, которые знают о бытовании ойконима в обоих значениях.

Рядом с Никольской церковью в селе Илешево находится Церковь Ильи Пророка с приделами Ильи пророка, Богоявления и Флора и Лавра. Вместе они составляют типичный для Костромского края комплекс из двух церквей (см.: [13; 15]). Церковь Ильи пророка была сооружена в 1796 г. и считалась холодной. В народе её называют двояко: *Ильинская* и *церковью Богоявления*. В ней зимой 1874 г. был крещён Ефим Васильевич Честняков. Как видим, здесь в обиходном названии также происходит упрощение структуры до двухсловного сочетания, что характерно для многих русских экклезионимов.

Воскресенская (Макарьевская) церковь. Первым каменным зданием на территории Кологривского уезда стала церковь Воскресенская, построенная жителями села Кичино в честь основания города Кологрива на новом месте в 1777 г. Эта церковь не сохранилась до настоящего времени, но старожилы Кологрива помнят о её прежнем существовании. Церковь имела два престола – главный – в честь Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме, другой – во имя преподобного Макария Унженского [16, с. 352]. В обиходе более распространено было название *Макарьевская* (по одному из приделов), но и *Воскресенской* её тоже называли.

Богородицкая (Павликовская). Вторую каменную церковь построили в 1790 г. в селе Вяткина Гора. Называлась она *Богородицкая*, или *Рождества Пресвятой Богородицы*. Церковь имела три престола: во имя *Живоначальной Троицы*, в честь *Рождества Богородицы* и в честь *Казанской иконы Божией Матери* [14, с. 354], но в народе её называют *Павликовская*, так как находится она рядом с деревней Павликово. Здесь мы видим в названии, как обычно, перенос по смежности, но в виде хиазма – уже с населённого пункта на название церкви.

Кладбищенская. В 1840 г. в Кологриве появилась третья каменная церковь *Во имя Всех Святых*. Кологривчане называют её *Кладбищенской*. Построена она была при городском кладбище на средства Александры Николаевны Шулепниковой [14, с. 38]. Своих священнослужителей церковь не имела, служили в ней только при отпевании покойников священники из Успенского собора. Сейчас от неё остались только каменные ворота.

Спаская. В 1911 г. была построена церковь *Спаса Нерукотворного*. Старожилы описывали её красивое внутреннее убранство – храмовой образ – образ Христа Спасителя, голова из майолики. Кологривчане называют эту церковь *Спаской* [14, с. 38].

Таким образом, мы видим своеобразное перекодирование протяжённых церковнославянских названий каменных храмовых сооружений приунженского края в живой народной речи, представленное в её кратких и часто несхожих вариантах, нередко с отражением диалектных явлений и особенностей местного рельефа местности. В этих случаях, как кажется, мы можем считать это проявлением этнодиалектного противопоставления *своей/чужой*, как бы отражением народного мировидения в народно-разговорных экклезионимах, которые реалистично точно донёс до нас Ефим Васильевич Честняков.

Список литературы

1. Веселова Е.Г. Диалектизмы поунженского края (на материале произведений Ефима Васильевича Честнякова) // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2015. С. 110-116.
2. Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007. 225 с.

3. Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г. Е.В. Честняков как лингвист: роль диалектов в судьбах русского языка // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 465-477.
4. Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г., Сухарева Т.П. Особенности языка прижизненных изданий произведений Е.В. Честнякова в Санкт-Петербурге // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2015): в 2 ч. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика: сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2015. С. 317-320.
5. Игнатъев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. Кострома: ИПП «Кострома», 1995. 128 с.
6. Новые открытия советских реставраторов / сост. С.В. Ямщиков. М.: Сов. художник, 1985. 140 с.
7. Горлова Т.В. Особенности функционирования экклезионимов Нерехты в народно-разговорной речи // Ономастика Поволжья: материалы 18 Междунар. науч. конф.: в 2 т. / науч. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. Т. 2. С. 196-206.
8. Никифорова О.В. Религиозно-топонимы Нижегородской области как часть культурно-исторического наследия региона // Нефилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 483-490. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-483-490
9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16 / ред. Н.З. Котелова, Н.М. Меделец. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 1610 стб.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1980. Т. 4.
11. Честняков Е.В. Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. Кострома: Костромаиздат, 2011. 168 с.
12. Честняков Е.В. Сказание о Стафии – Короле Тетеревином: роман-сказка / сост. и автор коммент. Р.Е. Обухов. М.: Междунар. центр Рерихов: Мастер-Банк, 2007. 368 с.
13. Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб.: Тип. почтового департамента, 1863.
14. Осипова З.И. Обрести память. Кологрив: Центр народного творчества и туризма «Горница», 2007.
15. Рудченко В., Смирнов Г., Шармин П. Памятники архитектуры Костромской области: Каталог. Вып. V. Кострома, 2003.
16. Баженов И.В. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома: Губернская тип., 1911.

References

1. Veselova E.G. Dialektizmy pounzhenskogo kraja (na materiale proizvedeniy Efima Vasil'yevicha Chestnyakova) [Dialectisms of the Unzha Region (based on the works of Efim Vasilyevich Chestnyakov)]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Vtoryye Gromovskkiye chteniya. Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye»* [Collection of Proceedings and Research of All-Russian Scientific and Practice Conference “The Second Gromov Readings. Russian Folk Dialects”]. Kostroma, Nekrasov Kostroma State University Publ., 2015, pp. 110-116. (In Russian).
2. Gantsovskaya N.S. *Zhivoye pounzhenskoye slovo. Slovar' narodno-razgovornogo yazyka E.V. Chestnyakova* [Live Unzha Word. Dictionary of the Folk and Spoken Language of E.V. Chestnyakov]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2007, 225 p. (In Russian).
3. Gantsovskaya N.S., Veselova E.G. E.V. Chestnyakov kak lingvist: rol' dialektov v sud'bach russkogo yazyka [E.V. Chestnyakov as a linguist: the role of dialects in the fate of the Russian language]. *Sbornik materialov i issledovaniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskkiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region”]. Kostroma, KSU Publ., 2016, pp. 465-477. (In Russian).
4. Gantsovskaya N.S., Veselova E.G., Sukhareva T.P. Osobennosti yazyka prizhiznennykh izdaniy proizvedeniy E.V. Chestnyakova v Sankt-Peterburge [Features of the language of lifetime editions of works by E.V. Chestnyakova in St. Petersburg]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskkiye chteniya – 2015): v 2 ch. Ch. 2: Literaturovedeniye. Lingvistika* [The Press and the Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2015): in 2 pt. Pt 2: Literary Criticism. Linguistics]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2015, pp. 317-320. (In Russian).
5. Ignatyev V.Y. *Efim Vasil'yevich Chestnyakov* [Efim Vasilyevich Chestnyakov]. Kostroma, PPC “Kostroma”, 1995, 128 p. (In Russian).
6. Yamshchikov S.V. (compiler). *Novyye otkrytiya sovetskikh restavраторov* [New Discoveries of Soviet Restorers]. Moscow, Sovetskiiy Khudozhnik Publ., 1985, 140 p. (In Russian).

7. Gorlova T.V. Osobennosti funktsionirovaniya ekklezionimov Nerekhty v narodno-razgovornoy rechi [Features of the functioning of Nerekhta's ecclesiastics in folk colloquial speech]. *Materialy 18 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika Povolzh'ya»: v 2 t.* [Proceedings of the 18th International Scientific Conference "Onomastics of Volga Region": in 2 vols.]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2020, vol. 2, pp. 196-206. (In Russian).
8. Nikiforova O.V. Religioykonimy Nizhegorodskoy oblasti kak chast' kul'turno-istoricheskogo naslediya regiona [Religious oikonyms of Nizhny Novgorod Region as part of the regional cultural and historical heritage]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 483-490. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-483-490 (In Russian).
9. Kotelova N.Z., Medelets N.M. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 16* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language. Vol. 16]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 1610 col. (In Russian).
10. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1980, vol. 4. (In Russian).
11. Chestnyakov E.V. *Rus', ukhodyashchaya v nebo...: Materialy iz rukopisnykh knig* [Russia, Leaving in the Sky...: Materials from Handwritten Books]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2011, 168 p. (In Russian).
12. Chestnyakov E.V. *Skazaniye o Stafii – Korole Teterevinom: roman-skazka* [The Legend of Stafia – King Teterevin: A Fairy Tale Novel]. Moscow, International Centre of the Roerichs, Master Bank Publ., 2007, 368 p. (In Russian).
13. Belyayev I. *Statisticheskoye opisaniye soborov i tserkvey Kostromskoy eparkhii* [Statistical Description of Cathedrals and Churches of the Kostroma Diocese]. St. Petersburg, Post Office Typography, 1863. (In Russian).
14. Osipova Z.I. *Obresti pamyat'* [Gain Memory]. Kologriv, Center of Folk Art and Tourism "Gornitsa", 2007. (In Russian).
15. Rudchenko V., Smirnov G., Sharmin P. *Pamyatniki arkhitektury Kostromskoy oblasti: Katalog. Vyp. V* [Architectural Monuments of the Kostroma Region: Catalog. Issue 5]. Kostroma, 2003. (In Russian).
16. Bazhenov I.V. *Kratkiye statisticheskiye svedeniya o prikhodskikh tserkvakh Kostromskoy eparkhii* [Brief Statistical Information about the Parish Churches of the Kostroma Diocese]. Kostroma, Governorate Typography, 1911. (In Russian).

Информация об авторе

Веселова Елена Геннадьевна, старший научный сотрудник отдела хранения и изучения музейных коллекций, Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Кострома, Российская Федерация, veselovaelena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2852-7352>

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор данных, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021
Одобрена после рецензирования 11.05.2021
Принята к публикации 17.05.2021

Information about the author

Elena G. Veselova, Senior Research Scholar of Storage and Study of Museum Collections Department, The Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum Reserve, Kostroma, Russian Federation, veselovaelena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2852-7352>

Contribution: main study conception, data acquisition, manuscript text drafting.

The article was submitted 26.03.2021
Approved after reviewing 11.05.2021
Accepted for publication 17.05.2021